

ФИЛОЛОГИЯ

(шифр научной специальности: 5.9.8)

Научная статья

УДК 81

doi: 10.18522/2070-1403-2022-94-5-16-23

ЭПИЧЕСКАЯ БЕЭКВИВАЛЕНТНАЯ ЛЕКСИКА АДЫГСКОГО ФОЛЬКЛОРНОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ НАРТСКИХ СКАЗАНИЙ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ)

© *Сурет Хазретовна Анчек*

*Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева,
г. Майкоп, Россия
ancheksuret@mail.ru*

Аннотация. Исследуется лексическое пространство адыгского фольклорного дискурса, в частности письменных форм адыгских песенных, былинных, песенно-былинных нартских сказаний на русском языке, для выявления в них безэквивалентных адыгских лексем и их семантической характеристики. В ходе исследования обнаружены имена эпических персонажей, этнографические и бытовые реалии, культуремы и мифологемы, которые служат для обозначения понятий, отсутствующих в русской языковой картине мира. Выявленные лексемы не переводятся на русский язык одним словом и не имеют эквивалентов за пределами адыгского языка, образуя эпический безэквивалентный пласт адыгской лексики.

Ключевые слова: эпическая безэквивалентная лексика, адыгский фольклорный дискурс, нартский эпос, сказания, пласт, реалии, культуремы, мифологемы.

Для цитирования: Анчек С.Х. Эпическая безэквивалентная лексика адыгского фольклорного дискурса (на материале текстов нартских сказаний на русском языке) // Гуманитарные и социальные науки. 2022. Т. 94. № 5. С. 16-23. doi: 10.18522/2070-1403-2022-94-5-16-23.

PHILOLOGY

(specialty: 5.9.8)

Original article

Epic non-equivalent vocabulary of the Adyghe folklore discourse (based on the texts of the Nart legends in Russian)

© *Suret Kh. Anchek*

*Adyghe republican institute for humanitarian research of T.M. Kerashev, Maikop, Russian Federation
ancheksuret@mail.ru*

Abstract. The purpose of the article is to study and analyze the lexical space of the Adyghe folklore discourse, in particular the written forms of Adyghe song, epic, song-epic of Nart tales in Russian, in order to identify non-equivalent Adyghe lexemes and their semantic characteristics. The study revealed the names of epic characters, ethnographic and everyday realities, culturemes and mythologems that serve to denote concepts that are absent in the Russian language picture of the world. The identified lexemes are not translated into Russian in one word and have no equivalents outside the Adyghe language, forming an epic non-equivalent layer of Adyghe vocabulary.

Key words: epic non-equivalent vocabulary, Adyghe folklore discourse, Nart epic, legends, formation, realities, culturemes, mythologemes.

For citation: Suret Kh. Anchek Epic non-equivalent vocabulary of the Adyghe folklore discourse (based on the texts of the Nart legends in Russian). *The Humanities and Social Sciences*. 2022. Vol. 94. No 5. P. 16-23. doi: 10.18522/2070-1403-2022-94-5-16-23.

Введение

В исследованиях последних лет часто встречается понятие «фольклорный дискурс» (Бухарова 2009, Эмер 2011, Алтруова, Нурекешова 2019), которое понимается нами как особый тип коллективной речевой деятельности. Ю.А. Эмир считает, что модель описания фольклор-

ного дискурса должна включать «в качестве базовых социокультурные (условия бытования), коммуникативные (коммуникативная ситуация и ее жанровое воплощение), когнитивные (концептуальные структуры) и языковые характеристики» [11, с. 50]. По ее мнению, компонентом фольклорного дискурса является эстетически обработанный традиционный текст. А.Ш. Алтруова и Г.Р. Нурекешова отмечают, что «фольклорный дискурс реализуется как совокупность фольклорных текстов. Участники фольклорного дискурса не могут быть установлены в рамках стандартной оппозиции «адресант – адресат», потому что сама адресация в данном случае распределена на неопределенном множестве коммуникантов. Фольклорный дискурс имеет как устную, так и письменную формы представления» [1, с. 61–62].

В данной статье мы рассмотрим некоторые письменные тексты адыгского фольклорного дискурса на русском языке с целью выявления и описания языковых единиц в них, относящихся к эпической безэквивалентной лексике. Материалом исследования являются произведения адыгского нартского эпоса, которые и в наши дни пользуются большой любовью народа и продолжают бытовать среди адыгейцев, кабардинцев и черкесов в традиционном народном изложении. Многие нартские тексты, бытовавшие среди адыгов, были собраны, систематизированы и изданы А.И. Алиевой, А.М. Гадагатлем, З.П. Кардангушевым [7]. Нартские тексты – это эпические произведения народного искусства, при их исследовании особое внимание будет уделяться безэквивалентной лексике адыгского эпического дискурса. Их выявление в адыгских нартских текстах, переданных на русском языке, и характеристика представляет большой интерес для кавказских языков, теории языка, лингвофольклористики, лингвокультурологии, когнитивистики.

Адресантом, автором-говорящим (воспроизводителем текстов) – субъектом данного речевого акта выступила А.И. Алиева. Как отмечает Ю.А. Эмер, «проблема автора-говорящего-субъекта, актуальная для филологии XX в. (Р. Барт, Ю. Кристева и др.), в фольклоре получает собственное решение. Центральное положение в названной триаде занимает говорящий. В фольклорном дискурсе он многопланов, одновременно может являться «воспроизводителем», автором, интерпретатором текста» [11, с. 54]. Описание ментальных, социальных, коммуникативных контекстов данного фольклорного творчества А.И. Алиева осуществила в научно-литературном стиле, что предполагает не только соблюдение грамматических, лексических, стилистических норм того языка, на который перекладываются тексты (в данном случае русского), но и сохранение подлинного авторского стиля (в данном случае фольклорного) и атмосферы сюжетов.

Обсуждение

Сложность передачи сказаний о нартах обусловлена языковыми различиями, наличием в текстах труднопереводимой лексики и архаических словосочетаний, точное значение которых во многих случаях еще не раскрыто исследователями. Имена эпических героев, этнографические и бытовые реалии, мифологемы и культуремы оставлены без перевода и переданы так, как произносятся сказителями, так как они не имеют аналогов в русскоязычном пространстве. Именно такая лексика может быть отнесена к пласту безэквивалентной лексики.

Безэквивалентная лексика вызывает большой интерес исследователей (Е.И. Архипова, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, А.Л. Волкова, З.Ю. Басте, Ф.Д. Хачак, Т.Н. Лапчинская и др.) разных областей лингвистики. Любой отдельно взятый язык по-своему делит мир. Одни и те же понятия могут называться разными словами, у одного народа может не оказаться данного предмета. Именно это и обуславливает, по мнению Е.И. Архиповой, «наличие в языке группы предметно-безэквивалентных лексем, обозначающих чисто русские (или английские, французские и т.д.) предметы и явления действительности» [2, с. 22].

Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров считают, что «безэквивалентная лексика – это слова, план содержания которых невозможно сопоставить с какими-либо иноязычными лексическими понятиями» [4, с. 77].

А.Л. Волкова под безэквивалентной лексикой понимает те «лексические единицы, которые не имеют в словарном составе переводного языка единиц аналогичного уровня, при помощи которых можно передать все компоненты исходной лексической единицы» [5, с. 258].

З.Ю. Басте считает, что «безэквивалентные единицы отражают лакунарность в системах других языков, указывая на отсутствие в них значений, лексем и лексических сочетаний, актуализирующих лингвокультурный компонент» [3, с. 9].

Данные единицы языка Ф.Д. Хачак называет билингвальными реалиями и определяет их как «предметы материальной культуры, а также факты и явления, связанные с историей, культурой, экономикой и бытом родной лингвокультуры, которые отличаются полностью или частично от слов приобретенного языка и чужеродны для принимающего языка. Отсутствуя в иной культуре, они проникают в другой язык посредством контактов и, как правило, не переводятся на другой язык, к которому они принадлежат» [9, с. 13]. К безэквивалентному пласту лексики она относит и билингвальные культуремы: «По нашему мнению, билингвальная культурема – это языковая безэквивалентная национальная лексема, словосочетание, предложение, отражающее культуру и менталитет народа в условиях межкультурной коммуникации и би/полилингвизма» [9, с. 16].

Заключение Т.Н. Лапчинской подводит итог предыдущим тезисам, «безэквивалентная лексика является информоемким хранилищем национально-культурной семантики языка, в котором зафиксирована специфическая информация об историческом развитии, традициях, быте данного языкового культурного пространства» [6, с. 381–382]. По нашему мнению, под безэквивалентной лексикой языка нужно понимать такую лексику, которая не имеет точных аналогов в иной культуре, в ином языке, в сознании человека иной национальности. Согласимся с мнением Дж.А. Хоссейна, который называет данные единицы «свертками» каких-то дискурсов и отмечает, что «такие языковые единицы играют существенную роль в нормальном общении людей, в структуризации новых текстов. Это и понятно: они позволяют сжато, образно, ярко выразить какое-то значение, мнение, причем не прямо, а отсылкой к общему культурному знанию, свойственному данному народу» [10].

Исследовательские результаты и их интерпретация. Выбранные нами для исследования билингвальные эпические произведения являются богатым источником безэквивалентной национальной лексики. В 17 песенных, былинных и песенно-былинных адыгских текстах раздела «Сосруко» [7, с. 189–228], введенных в русское языковое пространство, выявлено 76 эпических единиц инородных для русской языковой культуры.

Произведения адыгского нартского эпоса посвящены нартам, известным многим народам Кавказа, поэтому Безэквивалентная эпическая лексема «*нарт*» встречается в текстах часто и без каких-либо пояснений. Нарты – это богатыри. В эпическом дискурсе при описании нартов встречаются инородные для русского языка лексемы *пелуан*, *джигит*: «*Твой мальчик пелуаном* будет, давай ему побольше кумыса, добавляй в кумыс пиено*» [7, с. 191]. «*Оседлал и отправился на нартские игры – теперь он был настоящий нартский джигит*» [7, с. 192, 213]. Автор перевода для толкования лексемы *пелуан* пользуется подстрочной сноской: «силач», «борец», а вот лексема *джигит* дана без всяких отсылок, потому что она является дважды безэквивалентной лексикой. Слово *джигит* тюркского происхождения, означает «наездник, отличающийся отвагой, выносливостью, стойкостью, искусством управлять конем и владеть оружием», Оно известно многим читателям. Безэквивалентная реалия *джигит*, согласно толковому словарю адыгейского языка, значит «джигит, наездник, добрый молодец» [8, с. 151].

Значительное место среди адыгской эпической безэквивалентной лексики занимают собственные имена, фамилии персонажей. Раздел начинается с собственного имени главной героини адыгского эпоса – *Сатаней-гуаша* каб.д. / *Сатанай* шапс.д.: «*Сатаней-гуаша у реки стирала*» [7, с. 189]. Сатаней-гуаша – хозяйка и распорядительница всего нартского хозяйства, воспитательница многих нартских богатырей. Постоянный эпитет *гуаша* в дискурсе может функционировать как с именами других персонажей, например, *Лулахо-гуаша*: «*Сатаней-гуаша была рождена Есоновой Лулахо-гуашей*» [7, с. 189], так и самостоятельно в значении «богиня», «хозяйка», «свекровь»: «*Ты правдивая гуаша адыгов*» [7, с. 190].

В исследуемом текстовом пространстве встречаются и другие имена персонажей, не имеющих аналогов в русской языковой культуре: *Сос* (имя нартского пастуха), *Сосруко* каб. д. / *Саусырыко* бжед. д. (главный герой адыгского нартского эпоса), *Озрокатхо*, *Ордаиш* (имена отцов Сатаней), *Шокара* (имя нартского пастуха), *Озырмедж* (герой нартского эпоса адыгов, нередко являющийся мужем Сатаней), *Марух*, *Марыбз* (имена портных), *Тотреш* (персонаж нартского эпоса), *Альбек* каб. д. / *Алджар* адыг. т. из Сирии (отец Тотреша), *Барымбух* (сестра Сатаней-гуаша), *Бадыноко* (главный герой адыгского нартского эпоса), *Орсарыж* (старуха-провидица) и некоторые другие антропонимы второстепенных персонажей эпоса как *Имыс*, *Жинду-жаке*, *Аракшау*, *Насрен-жаке*, *Ашамез*, *Аше*, *Батраз*, *Хымыш*, *Сибильши*.

Очень редко, но встречаются такие фамилии как *Есонова*, *Карданов*, *Тхакуаховы*. В эпосе адыгов отсутствуют сказания о рождении героини, но имеется единственное упоминание матери Сатаней – *Есоновой Лулахо-гуаши* [7, с. 189]. Также редко встречается кабардинская фамилия *Карданов*, которая как отмечают исследователи адыгского эпоса ведет свою родословную от нарта *Сосруко* [7, с. 350]. *Тхакуаховы* – фамилия двух нартских стариков, выражающих мнение народа, не одобряющего убийство Тотреша [7, с. 353].

Нартам свойственно было собираться, советоваться, выносить общее решение в ведении общих дел, т.е. созывать *хасу* – «совет нартов, где решались важнейшие дела» [7, с. 409], поэтому данная бээквивалентная единица часто встречается в текстах. Иногда даются небольшие пояснения в текстовом пространстве, иногда без всяких пояснений:

*«Собрали хасу, сильные мчались туда,
И малого мужа, молодого Сосруко,
Нарты пригласили на хасу.*

Сел Сосруко на коня и прибыл на хасу» [7, с. 196].

В эпический безэквивалентный пласт адыгской лексики попадают клички коней нартов. В исследуемом нами разделе используется многократно лексема *Тхожей* – это конь главного героя *Сосруко*: «*Тхожей, увидев Сосруко, встал на дыбы, налетел на него, но Сосруко подпрыгнул, ухватил коня за длинную гриву и заставил его опуститься, ударил по голове и осадил Тхожсея*» [7, с. 192].

Нарты постоянно становились участниками народных игр, состязаний. Чтобы показать свою силу, свое превосходство, они вступали в поединки с другими нартами, сражались с чудищами, великанами. Описание таких сюжетов занимает немало места в эпике адыгов. Так, например, в одном из текстов встречается лексема *шуратлес*: «*Когда Сосруко въезжал во двор, его попросили: / «Поиграй в шуратлес*!» / Сосруко на своем Тхожее / Поиграл стократно*» [7, с. 196]. *Шуратлес* (каб.-черк. *шурэльэс*, адыг. *шыульэс*) – букв. «пеший-конный». Чтобы русскоязычному читателю было понятно, о чем идет речь, истолкование безэквивалентной культуремы вынесено в подстрочную сноску: «Это вид борьбы, принятый у эпических богатырей. Нарты, одни пешие, другие верхом на конях, становились друг против друга. Всадники должны были прорваться через строй пеших, вооруженных шестами» [7, с. 410].

Бээквивалентны полностью либо частично названия национальных предметов, с помощью которых, например, испытывалась сила нартских богатырей: *абра-камень* («камень огромных размеров»), *джан-шерх* («стальное колесо»): «*Абра-камень* катили [на него] с горы – / Он лбом ударял и / Еще быстрее прежнего забрасывал камень на гору*» [7, с. 202]. «*Сосруко, встав на горе, джан-шерх* стал скатывать вниз*» [7, с. 205].

Некоторые компоненты нартских одеяний и снаряжений заняли свое место в эпическом безэквивалентном пласте адыгской лексики, например: *танджелей* («подкольчужник, особый вид кафтана, надевался под кольчугу»), *чарыки* («мягкая обувь, изготавливаемая из сыромятной кожи, обувь бедняков»), *маиса* («богатырский меч, принадлежность многих нартов»), *хошысу* («короткий меч»): «*Вели своей Марух кроить, / Вели своей Марыбз шить, / Вели [им] сшить для меня танджелей**» [7, с. 198]. «*О, Сосруко смуглый, / Муж черный, с железным взглядом, / Обутый в сыромятные чарыки**» [7, с. 199]. «*Она оказалась маисой* – разрубила дерево пополам*» [7, с. 206]. «*[Когда всадник] выхватил свою хошысу* / И хотел снести ему голову*» [7, с. 211].

Некоторые языческие божества становятся мифологическими персонажами адыгских сказаний о нартах. Им присущи сверхъестественные способности. Мифологемы *Тлеши*, *Уаихо*, *Шибле*, *Кахытши* образуют пласт эпической безэквивалентной лексики.

Тлепш – бог железа, покровитель кузнецов: «*Отнесли Сосруко в кузницу к Тлепшу**» [7, с. 189]. *Тлепш* является первым нартским кузнецом. Как видно из текстов, он закаляет *Сосруко*, изготавливает для нартских богатырей оружие, доспехи, врачует раны. С его именем связано несколько самостоятельных сюжетов.

В одном из текстов встречается лексема *Уаихо* – так адыги номинируют языческого бога неба: «*Уаихо-кан**, больше нет у меня [огня], / Но хотя и нет, для вас я найду, – сказал [Сосруко]» [7, с. 201]. Иногда лексема *Уаихо* выступает в роли нартской клятвы. Для истолкования данной безэквивалентной лексики автор перевода не усложняет текстовое пространство, разъясняя читателю, что произнесение нартами слова *Уаихо* является клятвой о не разглашении информации, а выносит в построчную сноску с пометой: «*Скажем Уаихо**, я примусь за работу, ...» [7, с. 190]. Толкование дается в Словаре.

Шибле – «бог грома». В тексте Саусырыко свой рев сравнивает с *Шибле*: «*Заревел я, как Шибле разящий...*» [7, с. 197].

Кахытши – «бог удачи» в языческом пантеоне адыгов. Сатанай-гуаша говорит Саусырыко: «*Колокольцы Кахытши** я тебе принесу» [7, с. 213], т.е. колокольцы, приносящие удачу.

Как видно, нарты поклонялись многим богам, многим силам природы, но своим покровителем они считали *Тха* «Всевышний»: *Пусть пошлет тебе удачу [тот], кому покровительствует Тха** [7, с. 199]. Часто употребляемая в эпосе безэквивалентная лексема *тхамада* каб., *тхамата* адыг. дословно переводится «избранник тха» [7, с. 409]. В тексте она выполняет функцию обращения к уважаемым нартам:

«*Наши нартские тхамалы**,
О тхамалы удачливые,
Походы у вас – в семь лет раз.
Когда же садитесь на коней,
Семь лет не спешиваетесь» [7, с. 219].

К мифологическим образам относятся *иныжи*, являющиеся персонажами не только эпического дискурса, но и сказочного. Безэквивалентная лексема *иныж* является универсальной для всего адыгского фольклорного дискурса: «*Однажды во время похода встретил Сосруко одного иныжа**» [7, с. 205]. Автор перевода, вводя в русскоязычное пространство данную лексему, дает подстрочное толкование следующим образом: «*Иныж* – чудовище, враждебное нартским богатырям и сказочным героям, букв. «великан» [7, с. 407].

Адыгский этнос, прошедший длинный исторический путь, оформившийся как единый народ со своим политическим и экономическим укладом, имеет свой уникальный полифоничный фольклор, свой героический эпос. Очевидно, что введение в русское языковое пространство таких лексем как *хох*, *хабар*, *таурых* необходимо для создания национального колорита и передачи лингвокультурем в текстах. Для истолкования культурем автор использует подстрочную сноску: *хох* (каб.-черк., адыг. *хъуэхъу*) – «благопожелание», «здравница» [7, с. 409], *хабар* (каб.-черк., адыг. *хъыбар*, *къэбар*) – «новость», «весть» [7, с. 409], *таурых* (каб.-черк., адыг. *таурыхъ*, *тарихъ*) – из араб. тарих «история», «сказка», один из повествовательных жанров адыгского фольклора [7, с. 409]: *Произнесли хох** и *вытили* [7, с. 195]. *Расскажу я тебе хабар** [7, с. 212]. *Таурых** о *Сосруко* (кабардинский текст) [7, с. 220].

Своеобразием характеризуется языковое представление топонимов в языковом сознании автора. Использование ойконимов в текстах в качестве безэквивалентной лексики показывает, что для представителей русскоязычного населения они все же остаются еще реалиями: *Арык*, *Хачабана*, *Койдан*, *Дыгулибгове* («древнее название кабардинского селения»): *Рыская по степи, он объездил [весь] Арык**, *добрался до Хачабана** [7, с. 197]. *Тхожей, быстрый, как ветер, за один день пробегал недельный путь иныжей и прибыл в Койдан** [7, с. 207]. *Сатаней воспитывалась в Дыгулибгове** [7, с. 189].

Оронимы в фольклорном дискурсе передают названия горных массивов: *Харам-гора*, *Капиукай*: *Пусть тогда Харам-гора* будет нам местом встречи* [7, с. 197]. *[Того], кого зовут Сосруко, / Ставили у подножия Капиукай** [7, с. 202].

Потамонимы в текстах передают собственные названия рек. В эпических текстах используется адыгское название реки Кубань – *Пииз*: *«Орэ-орэдэ-адэ, / Орэ-орэдэ-адэ, / Орэ-орэдэ-адэ... / За Пиизу*, / Орэдэ-адэ, / Орэдэ-адэ, / На охоту [кого] посылаю – не возвращается»* [7, с. 228].

К эпической фитонимической безэквивалентной адыгской лексике можно отнести слова: *атакаль* («название травы, которой нартские герои кормят своих коней») и *мыкут* («порода дерева, отличающаяся своей прочностью», букв. «неломающийся»): *«Атакаль* будет мне пищей, / Позволишь мне пастись в сочной траве..»* [7, с. 218]. *«Древко из его копья – из мыкута*»* [7, с. 197].

В эпический безэквивалентный пласт адыгской лексики вошли лексемы, передающие названия некоторых предметов быта (*ана* – «низкий круглый столик на трех ножках», *лагул* – «медный котел с ручкой»: *«Мать положила на ана* холодную мерзлую пасту и кусок мерзлого вареного мяса, посыпанный красным перцем с солью»* [7, с. 206]. *«У него есть лагул*, в котором он может поместиться»* [7, с. 205].), национальных блюд (*паста** – «крутая пшенная каша, сваренная без соли»: *«[До семи лет Сосруко] давали только окорок с пастой*»* [7, с. 191]), напитков (*бахсыма* – «хмельной напиток из просяной муки, меда и дрожжей», *сано* – «хмельной напиток нартов»: *«Того, кому пришел черед быть убитым, нарты вели к себе, сажали за стол, подносили чашу бахсымы*, и оставалось ему жить до тех пор, пока выпьет ту чашу бахсымы»* [7, с. 195]. *«[Сосруко] Выпил сано*»* [7, с. 224]), слова и словосочетания, связанные с распитием напитков (*санопитие нартов* – «традиционные пиры нартов», *рог мужества* («батырыбжьэ») – «по нартскому обычаю уважаемому гостю преподносили рог, наполненный хмельным напитком, по обычаю гость должен выпить до дна. Этот обычай сохранился и в наши дни»: *«Сегодня у нартов санопитие*, / Не замути им напиток»* [7, с. 211]. *«Тут засуетились нарты вокруг него, приказали: «Поднесите ему рог мужества!»* [7, с. 196].

Следует отметить, что в эпическом безэквивалентном пласте адыгской лексики имеют место историзмы (*кан* – «ребенок, взятый на воспитание», *унаут*, *унаутка* – «представители низшего слоя общества при феодализме», букв. «состоящий при доме», соответствует русскому «дворовые»: *«Сосруко – наш кан*»* [7, с. 210], *«Та комната кухни была. Тут их унаутка* спала»* [7, с. 220]), обращения (*фэмыф* – «ласковое обращение матери к сыну», букв. «ленивый»: *«Поезжай и выручай нартов, фэмыф*, – ответила ему мать»* [7, с. 206]), ономатопы (*куу* – «звукоподражание перепелу»: *«Каждую весну, когда перепел кричит «куу» и начинает расти лопух, [Сосруко] кричит из-под земли»* [7, с. 228], междометия (*хьу*, *марджа*, *эгей!*, *е-о-ой*: *«Хьу» сказавши, поворачивается»* [7, с. 196]. *«Страшный мороз настиг нас, марджа*, найди огонь и согрей нас, – попросили они его»* [7, с. 207]. *«Я первым увидел и крикнул: «Эгей!»* [7, с. 216]. *«Е-о-ой, разве можно пить кровь Саусуруко, – сказала она и не стала пить [его кровь] и есть [его мясо]»* [7, с. 226]).

Выводы

Эпическая безэквивалентная лексика адыгского фольклорного дискурса является информативным хранилищем национально-культурной семантики национального языка. В ней зафиксирована специфическая информация об историческом развитии, традициях, быте адыгского языкового культурного пространства. Выбор автором перевода этноспецифических реалий, культурем и мифологем для включения в русское текстовое пространство подчинен стремлению его языкового сознания донести до читателя родной язык и культуру через текст, где гармонично соединились две лингвокультуры: адыгская и русская.

Список источников

1. *Altruova A.Sh., Nurekeshova G.R.* Folklore discourse as a special type of collective speech // International scientific review. Языкознание и литературоведение. 2019. С. 58–62.
2. *Архипова Е.И.* Национально-культурная специфика безэквивалентных сочетаний слов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 11 (41). Ч. 1. С. 22–24.
3. *Басте З.Ю.* Художественный текст как билингвальный феномен: лингвокультурологический аспект // Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Майкоп, 2021. 21 с.
4. *Верещагин Е.М., Костомаров В.Е.* Язык и культура. М.: Индрик, 2005. 1038 с.
5. *Волкова А.Л.* Передача национально-культурной специфики безэквивалентной лексики во французском языке (на материале переводов книг С. Алексиевич) // Молодые ученые в инновационном поиске. Сборник научных статей по материалам VIII Международной научной конференции. Минск, 29–30 мая 2019 г. Минск: МГЛУ, 2020. С. 257–262.
6. *Лапчинская Т.Н.* Особенности перевода безэквивалентной лексики в повестях А.С. Пушкина с русского на немецкий язык // Culture and Civilization: Publishing House "ANALITIKA RODIS". 2017. Vol. 7. Is. 1A. Linguistics. С. 381–387.
7. *Нарты.* Адыгский героический эпос. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1974. 415 с.
8. *Хатанов А.А., Керашева З.И.* Толковый словарь адыгейского языка. М., 2006.
9. *Хачак Ф.Д.* Этноспецифические вкрапления как средство реализации полилингвальной языковой личности (на материале публицистических текстов Рамазана Трахо) // Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Майкоп, 2019. 25 с.
10. *Хоссейн Дж.А.* Безэквивалентная лексика как свернутый дискурс. – URL: <https://www.dissercat.com/content/bezekvivalentnaya-leksika-kak-svernutyi-diskurs> (дата обращения 03.08.2022).
11. *Эмер Ю.А.* Фольклорный дискурс: когнитивно-дискурсивное исследование // Вопросы когнитивной лингвистики. Языкознание и литературоведение. 2011. С. 50–60.

References

1. *Altruova A.Sh., Nurekeshova G.R.* Folklore discourse as a special type of collective speech // International scientific review. Linguistics and literary studies. 2019. pp. 58-62.
2. *Arkhipova E.I.* National-cultural specificity of non-equivalent combinations of words // Philological sciences. Questions of Theory and Practice, No. 11 (41). Tambov: Diploma, 2014, part 1. pp. 22-24.
3. *Baste Z.Yu.* Artistic text as a bilingual phenomenon: linguoculturological aspect. Abstract of thesis. Maykop, 2021. 21 p.
4. *Vereschagin E.M.* Language and culture. M.: Indrik, 2005. 1038 p.
5. *Volkova A.L.* Transfer of national-cultural specificity of non-equivalent vocabulary in French (based on the material of translations of S. Alexievich's books) // Young scientists in innovative search: collection of scientific articles based on the materials of the VIII International Scientific Conference, Minsk, May 29-30, 2019. Minsk, 2020. P. 257-262.
6. *Lapchinskaya T.N.* Features of translation of non-equivalent vocabulary in the stories of A.S. Pushkin from Russian into German // Culture and Civilization: Publishing House "ANALITIKA RODIS", 2017, Vol. 7, Is. 1A. Linguistics. pp. 381-387.
7. *Narty.* The Adyghe heroic epic. M. The main editorial office of Oriental literature of the publishing house "Nauka", 1974. 415 p.
8. *Khatanov A.A., Kerasheva Z.I.* Explanatory dictionary of the Adyghe language. M., 2006.

9. *Khachak F.D.* Ethnospecific inclusions as a means of realizing a multilingual linguistic personality (based on the material of the journalistic texts of Ramadan Trakho). Abstract of the thesis. Maykop, 2019. 25 p.
10. *Hossein J. A.* Non-equivalent vocabulary as a collapsed discourse [Electronic resource] – available at: <https://www.dissercat.com/content/bezekvivalentnaya-leksika-kak-svernutyi-diskurs> (Accessed: 03.08.2022)
11. *Emer Yu.A.* Folklore discourse: cognitive-discursive research // Questions of cognitive linguistics. Linguistics and literary studies. Tambov, 2011. pp. 50-60.

Статья поступила в редакцию 10.08.2022; одобрена после рецензирования 20.08.2022; принята к публикации 01.09.2022.

The article was submitted 10.08.2022; approved after reviewing 20.08.2022; accepted for publication 01.09.2022.